

А. О. Пронин^{1, 2, 3}, **И. А. Москвитин**¹

¹ Восточное общество исторических исследований
и реконструкций «Великий Предел»
0201, 416-2 Восточный переулок Байцзывань,
район Чаоян, Пекин, 100124, Китай

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

³ МБУК ГН «Музей города Новосибирска»
ул. Советская, 24, Новосибирск, 630099, Россия
E-mail: alexey@pronin.su

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯПОНИИ (1868–1945)

Воевавшие на полях сражений Второй мировой войны военнослужащие частей армии и флота императорской Японии остались в памяти своих противников умелыми и храбрыми бойцами, жестокими к врагу. Действия против них требовали от солдат и офицеров союзных сил максимум усилий. В основе таких качеств солдат и офицеров Японии лежала уникальная система воинского воспитания, существовавшая в ее вооруженных силах (ВС). Она была основана на господствовавшей в японском обществе милитаристской культуре – сплаве романтизированных традиций, позднейших идеологических конструкций и перенятых извне технических и организационных новшеств. Исследование существовавшей и развивавшейся в 1868–1945 гг. системы идеологической подготовки военнослужащих в ВС Японии позволяет глубже понять особенности устройства японского общества рассматриваемого периода и, более всего, истоки мотивации действий ее солдат, офицеров, гражданских лиц и военно-политического руководства. В статье представлен анализ характерных черт системы воинского воспитания и процесса их развития. Особое внимание уделено отражению воинской идеологии в декоративно-прикладном искусстве рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Япония, императорские вооруженные силы, Вторая мировая война, идеология, милитаристская культура, реставрация Мэйдзи, период Сёва.

По свидетельствам ветеранов Второй мировой войны и исследователей, моральные качества и военная подготовка позволяли японскому солдату побеждать самых серьезных противников [Курэ, 2007; Onoda, 1999; Догерти, 2005]. Сформировавшая его милитаристская культура синтезировала воспитание в духе воинских традиций и современные технологии.

Ранее нами была поставлена проблема изучения системы воинской идеологии императорской Японии 1868–1945 гг. [Пронин, Москвитин, 2010]. В настоящей статье мы намерены более подробно рассмотреть ключевые, на наш взгляд, особенности японской воинской идеологии и точки соприкосновения ее с системой идеологического воспитания, существовавшей в императорских ВС в рассматриваемый период.

Понятие милитаристской культуры созвучно понятию политической культуры [Almond, Verba, 1989]. Ее важнейшим элементом являются традиции [Колоницкий, 2001. С. 10–11]. Политическая элита японского общества – военные – обладала культурным и политическим превосходством над остальными его слоями. После революции Мэйдзи 1868 г. феодальные понятия службы и лояльности обрели новую жизнь, став на службу к императору. Традиционная борьба знатных родов быстро превратилась в движение за национальное единство и овладение западными технологиями, принявшее все признаки буржуазного переворота [Дьяконов, 2007. С. 208]. Была введена частная собственность на землю и организовано

высшее образование европейского типа. Императорский рескрипт 1873 г. отменил нормы феодального порядка и сам класс самураев, очертив обновленные идеологические, культурные и политические основы жизни Японии.

Одной из таких основ стал кодекс Бусидо, сформированный под влиянием неоконфуцианской философии. После революции Мэйдзи самураи слились с основной массой населения, но правительство сохранило высокую роль идеологии самурайского кодекса. В иерархическом обществе, где император пользовался абсолютной властью, кодекс Бусидо стал идеальным орудием управления [Курэ, 2007. С. 129].

В рамках традиционной идеологии происходили серьезные перемены. Государственной религией был признан синтоизм, выработавший за долгую историю существования параллельно буддизму, конфуцианству и, позднее, христианству собственные религиозно-философские основы. Наряду с культом старинного верховного божества – богини солнца был введен и культ *тэнно* как воплощения высших небесных сил [Дьяконов, 2007. С. 208].

Система образования до 1945 г. строилась по германскому образцу и включала шесть лет начальной, пять лет средней и три года высшей школы, и позднее пять лет обучения в университете. Не собиравшиеся продолжать обучение в средней школе учились в начальной еще два года, получая восьмилетнее начальное образование. К 1935 г. усилилась роль военных в управлении государством, пост министра образования занял генерал Садао Араки. Образование стало средством военно-патриотического воспитания, эффективно решавшим задачи, которые ставились в других странах перед структурами, занимающимися исключительно вопросами пропаганды. Традиционное почтительное отношение к фигуре учителя стало здесь дополнительным преимуществом. В учреждения высшего образования командировали армейских офицеров для военного обучения студентов. Пропуск занятий по военному делу был серьезным проступком и, в отсутствие на то причин, строго наказывался. Пропуск трех занятий по военному делу вел к отчислению из учебного заведения. В ряде университетов преподаватели проходили военное обучение вместе со студентами. Прикрепленные офицеры имели право посещать занятия и критиковать лектора в присутствии студентов. Критерии пропагандируемых воинских идеалов и успеваемость по военному делу влияли на назначение стипендии. С 1939 г. право утверждения руководства университетов и преподавателей перешло от профессорско-преподавательских собраний к Министру образования [Родс, 2008. С. 248].

При большом внимании к вопросам воспитания, образования и идеологии, роль пропаганды, основы которой были заложены в 1920-е гг., была скромной. Живущее на «божественной земле» население Японии полагалось «более духовным, чем люди Запада». В письме г-на Сиба в газету «Japan Times» говорилось, что «война мыслей» несовместима с истинным духом японского рыцарства и подчеркивалось, что «моральный кодекс самураев и пропаганда находятся на противоположных полюсах». В 1924 г. барон Маринума создал ассоциацию «Кокухонся» для пропаганды принципов *кокутай* («уникальное происхождение») [Там же. С. 244]. К 1930 г. она стала одной из наиболее влиятельных идеологических организаций. Текст принципов *кокутай* был разослан Министерством образования во все школы и университеты Японии.

В 1932 г. в структуре Министерства образования Японии создано Бюро по «контролю над мыслями», курировавшее вопросы информационной работы, цензуры и пропаганды. Вскоре подобные информационные службы создали армия и ВМФ. При кабинете премьер-министра появилось Информационное бюро, направлявшее настроения общества и формировавшее благоприятный образ Японии на международной арене. Ужесточилась цензура, печать контролировал Комитет информации. В 1936 г. создано информационное агентство «Домэй», монополизировавшее освещение международных событий. В 1942 г. была образована Национальная патриотическая ассоциация издателей, объединившая писателей, ораторов, философов и историков. Она развернула лекционную деятельность с освещением опасности пораженческих настроений и «патриотическими литературными собраниями».

Японский подход к идеологической работе с населением, с учетом национального менталитета, особенностей жизни традиционного общества и возможностей системы образования, оказался чрезвычайно эффективным. Даже когда военные действия сложились трагическим

для Японии образом, внушенные принципы *кокутай*, идеалы лояльности и воинской доблести не позволяли обществу усомниться в конечной победе своей божественной страны.

Культ жесткой дисциплины был составляющей милитаризма. Его сочетание с идеалами патернализма сделало японское общество открытым для культурного и политического влияния самурайского класса, позволив в кратчайшие сроки сплотить раздробленную страну [Догерти, 2005. С. 7–8]. Патерналистские идеалы, укоренившиеся в обществе, основаны на учении Конфуция, положившего в основу идейной жизни общества нравственное начало *жэнь* – человечность, предполагавшее, прежде всего, любовь к семье, почитание матери и, особенно, отца. Эта любовь иерархически распространялась на главу рода, далее на законного начальника и, в итоге, на императора [Дьяконов, 2007. С. 56–60].

Обучение воина было важной задачей культуры. Императорский рескрипт 6-го года периода Мэйдзи (1873 г.) ввел кодекс поведения воина, общий для рядовых и офицеров. Этим кодексом были «Пять солдатских доблестей» («Пять слов»), обязательные для всех военнослужащих: «Солдат должен исполнять свой долг перед страной»; «Солдат должен быть учтив»; «Солдат должен показывать отвагу на войне»; «Солдат должен держать свое слово»; «Солдат должен вести простую жизнь» и пр.

Они широко пропагандировались в обществе как основа мировоззрения нового военного сословия. В виде каллиграфических надписей их наносили на наградные и памятные предметы и «личные» флаги, дарившиеся призывникам, отправляющимся на военную службу. «Пять слов» стали основой для устава «Сэндзинкун», отмененного после капитуляции Японии. Он строился вокруг преданности императору и долгу, лояльности – основной обязанности японского солдата, и содержал известные строки: «долг тяжел как гора, а тело легче пера. Выполни свой долг, и ты сможешь вернуться домой, и наслаждаться соцветиями» [Догерти, 2005. С. 11].

Этот лозунг вместе с кодексом «Пять слов» и девизом «С этим штыком мы несем мир океанам» был весьма популярен. В виде каллиграфических надписей он тиражировался в газетах, журналах, на открытках, плакатах, листовках и тысячах памятных предметов (рис. 1, 2). Особой популярностью такие надписи пользовались на посуде, составляя самостоятельную композицию либо используясь в сочетании с другими популярными символами – армейской пятиконечной звездой (рис. 1, 1), флотским якорем (рис. 1, 7), военным флагом *кокудзицу-ки* (с расходящимися лучами) и флагом Японии *ниссё-ки* (с красным кругом в центре) (рис. 1, 8, 9; 2, 1, 2).

На рис. 1 представлены примеры предметов декоративно-прикладного искусства императорской Японии с патриотическими композициями военной тематики, использовавшихся в качестве полуофициальных наград, памятных подарков и сувениров. Обращает на себя внимание великолепно сохранившийся деревянный лакированный поднос (*обон*) для ритуала питья сакэ (рис. 1, 1). В оформлении подноса использовано каллиграфическое написание текста «Пяти солдатских доблестей» в сочетании с изображениями пятиконечной армейской звезды, военного флага *кокудзицу-ки* (с расходящимися лучами и бахромой; на древке с круглым навершием) и ветви сакуры с пятью цветами и листьями. Он принадлежал уволенному в запас военному служащему одной из артиллерийских частей, расквартированных в Маньчжурии, в 1935–1939 гг. Поднос выполнен из дерева *кэяки* (дзеква пильчатая) и оформлен в традиционной лаковой технике *урусси*. Сохранилась оригинальная картонная и бумажная упаковка с клеймами магазина и патриотической композицией на крышке¹.

Фарфоровая чаша *тёко* для питья сакэ (рис. 1, 2) принадлежала военному служащему одной из частей императорской армии, расквартированных на о. Формоза (Тайвань). Композиция: армейская пятиконечная звезда и стилизованный цветок сакуры в обрамлении нижнего угла полотнища военного флага *кокудзицу-ки* (с расходящимися лучами и бахромой по краям); ветви с двумя розовыми цветами сакуры, зелеными листьями и прямоугольным ярлыком с вертикальной надписью из двух иероглифов «Тайвань». Под звездой расположена надпись из четырех иероглифов с номером воинского подразделения. Подпись: «1 Пехота Оборона

¹ Поднос случайно приобретен одним из авторов настоящей статьи на антикварном рынке Пекина в 2009 г. (коллекция А. О. Пронина, Новосибирск, Россия).

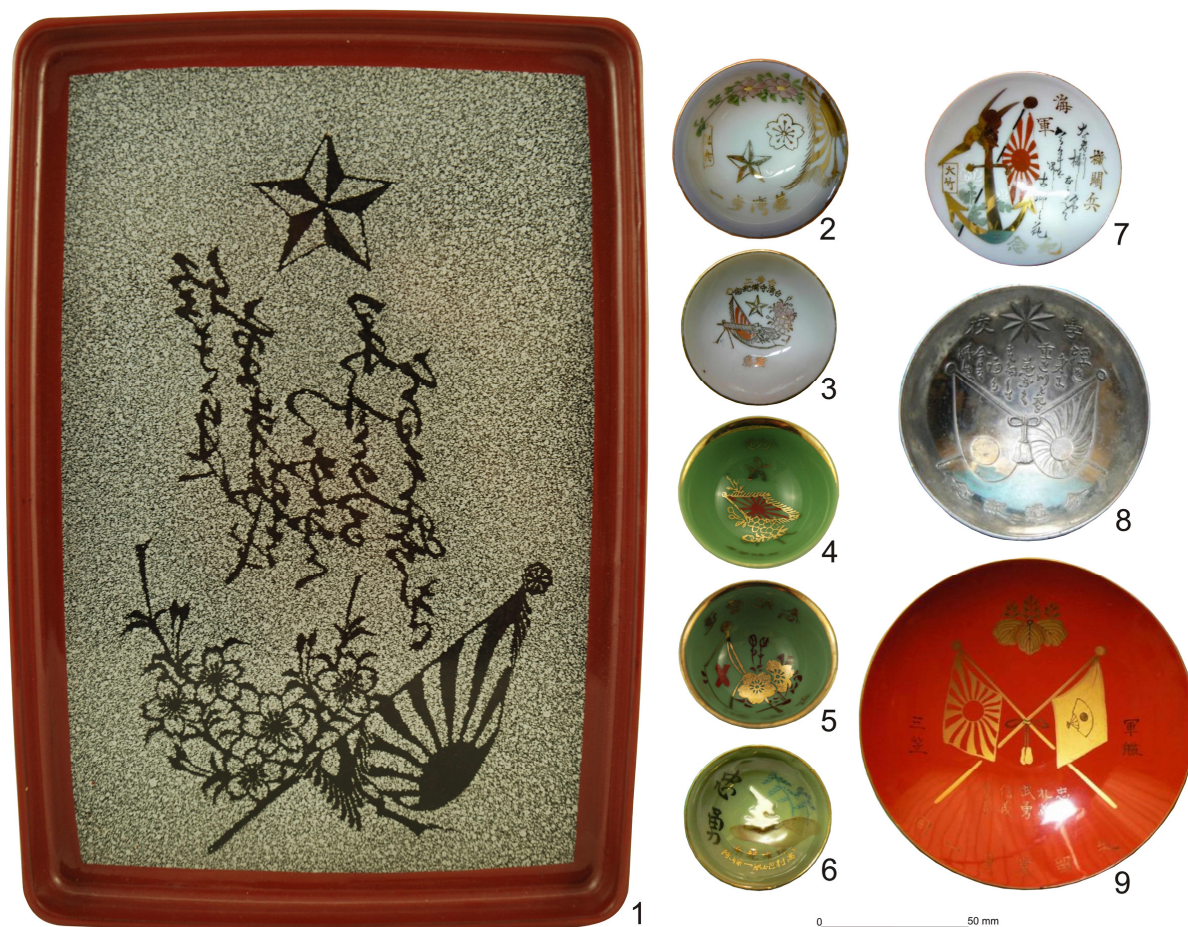


Рис. 1. (Фото) Предметы декоративно-прикладного искусства императорской Японии с патриотическими композициями военной тематики, использовавшиеся в качестве полуофициальных наград, памятных подарков и сувениров: 1 – деревянный лакированный поднос *обон* для ритуала питья сакэ (принадлежал уволенному в запас военнослужащему одной из артиллерийских частей, расквартированных в Маньчжурии) (дерево, лак, натуральные красители); 2 – чаша *тёко* военнослужащего 1-го [подразделения] пехотного полка императорской армии, расквартированного на о. Формоза (Тайвань) (фарфор, глазурь, краска); 3 – чаша *о-тёко* военнослужащего Сайто 2-го [подразделения] пехотного полка, расквартированного на о. Формоза (Тайвань) (фарфор, глазурь, краска); 4 – чаша *тёко* военнослужащего 68-го пехотного полка императорской армии (производственный брак) (фарфор, глазурь, краска); 5 – чаша *тёко* военнослужащего медицинского подразделения императорской армии (фарфор, глазурь, краска); 6 – чаша *тёко* с рельефными деталями композиции военнослужащего 1-й зенитной части ПВО Фудзита (фарфор, глазурь, краска); 7 – пиала *сакадзуки* моряка императорского ВМФ Оотаки (фарфор, глазурь, краска); 8 – пиала *сакадзуки* выпускника одной из военных академий императорской Японии, 1907–1929 гг. (белый металл); 9 – пиала *сакадзуки* военного моряка Такаса с броненосца Микаса (дерево *кэяки*², лак, натуральные красители, золотая краска)

Тайваня». Основные детали композиции: кайма по бортику чаши и надписи выполнены золотой краской (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония³).

Более крупная чаша *о-тёко* (рис. 1, 3) также принадлежала военнослужащему Сайто одной из армейских частей, расквартированных на о. Формоза (Тайвань). Кайма по бортику

² Дзеква пильчатая.

³ Авторы настоящей статьи выражают признательность Ричарду Каталано (Токио, Япония) за предоставленную им информацию и возможность работы с материалами его коллекции фарфора императорской Японии 1868–1945 гг.

чаши, основные детали оформления и надписи выполнены золотой краской. Композиция: детализированное изображение ручного пулемета на фоне склоненного влево военного флага *кокудзицу-ки* с расходящимися лучами и бахромой по краям полотнища, на древке с круглым навершием. Над пулеметом изображена армейская пятиконечная звезда, а справа от нее – три розовых цветка сакуры с тремя бутонами и листьями. Над композицией расположена надпись из трех иероглифов, под композицией – из двух. Поверх всей композиции и верхней надписи, по трафарету выштампована надпись из шести иероглифов меньшего размера. Подпись: «Тайвань 2 Пехота. Оборона Тайваня. На Память. Сайто» (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Светло-зеленая фарфоровая чаша *тёко* для питья сакэ (рис. 1, 4) представляет собой пример широко распространенных памятных подарков для увольняемых в запас военнослужащих императорской армии. Широкая кайма по бортику чаши, основные детали оформления и надписи выполнены золотой краской. Цветное оформление чаши выполнено штампом по трафарету с отдельным наложением цветов. Обращает на себя внимание производственный брак в нанесении золотой каймы. Композиция: небольшое изображение военного флага *кокудзицу-ки* с красными расходящимися лучами и бахромой по краям полотнища, обвитого ветвью сакуры с тремя цветами, четырьмя бутонами и листьями. Древко флага украшено круглым навершием. Над флагом изображена армейская пятиконечная звезда с гранями лучей. Над звездой расположена надпись из трех иероглифов, под флагом и ветвью – из четырех. Подпись «68 Пехота. В память увольнения... со службы». Размеры чаши: округлая форма 58 × 56 мм, диаметр круглой ножки 23,5 мм, толщина ножки 2,6 мм, высота ножки 6 мм, высота чаши 31 мм. В круглом основании ножки чаши золотой краской выполнена подпись изготовителя из двух иероглифов. Интересно, что данная чаша не имеет следов использования в быту. Обычно это видно по характерному загрязнению шершавой поверхности среза круглой ножки, не покрывавшегося глазурью, разной степени вытертости участков композиции, трещинам, царапинам и сколам поверхности чаши. В данном случае чаша сохранила свой первозданный вид. Судя по браку в нанесении каймы на бортик чаши и нечетко нанесенным композиции и надписям, чаша была отбракована в мастерской либо в военной части и вряд ли была вручена в качестве памятного подарка военнослужащему 68-го пехотного полка (коллекция А. О. Пронина, Новосибирск, Россия).

Интересная светло-зеленая фарфоровая чаша *тёко* для питья сакэ (рис. 1, 5) является памятным подарком для увольняемого в запас военнослужащего одного из медицинских подразделений императорской армии. Широкая кайма по бортику чаши, детали оформления и надписи выполнены золотой краской. Цветное оформление чаши выполнено штампом по трафарету с отдельным наложением цветов. Композиция: два золотых цветка сакуры, правый поверх левого, в обрамлении коричневых листьев и двух бутонов, на фоне флага с красным крестом. Золотое древко флага украшено круглым навершием и наклонено вправо. Над навершием флага и бутонами расположена надпись из четырех иероглифов, под цветами и листьями – из трех. Подпись: «В память об увольнении со службы. [санитарная?]... часть». На внешней стороне чаши, в круглом основании ножки расположена подпись изготовителя из двух иероглифов, выполненных вручную.

Для памятных предметов, принадлежавших военным медикам и санитарам, обычно было характерно сочетание красного креста с ярко выраженными воинскими символами – флагом *кокудзицу-ки*, армейской звездой, флотским якорем, стальным шлемом, винтовкой и т. п. В данной композиции, напротив, акцент сделан именно на медицинской эмблеме – красном кресте, помещенном на флаг. Военная составляющая же выражена несколько завуалированно в виде ветви сакуры с двумя цветами и двумя бутонами. Диаметр чаши 56 мм, диаметр круглой ножки 23 мм, толщина ножки 2,5 мм, высота ножки 5 мм, высота чаши 31 мм (коллекция А. О. Пронина, Новосибирск, Россия).

Зеленая фарфоровая чаша *тёко* с рельефными деталями композиции (рис. 1, 6) принадлежала уволенному в запас военнослужащему ПВО Фудзита. Кайма по бортику чаши и часть надписей выполнены золотой краской. Композиция: стилизованное рельефное изображение зенитного орудия белого фарфора в центре поля чаши. Справа от орудия изображены две сосны. Слева от орудия расположена вертикальная надпись из двух крупных иероглифов черного цвета со значением «верный» и «храбрый». Под зенитным орудием расположена

надпись из одиннадцати более мелких золотых иероглифов, в два ряда. Подпись: «Верный. Храбрый. 1-я Зенитная Часть. В память увольнения со службы. Фудзита» (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Фарфоровая чаша *сакадзуки* с богатым оформлением (рис. 1, 7). Принадлежала моряку императорского ВМФ Оотаки. Тонкая кайма по бортику пиалы, основные детали оформления и надписи выполнены золотой краской. Композиция: в левой части пиалы изображен слегка наклоненный влево крупный золотой якорь, на фоне двух белых хризантем со светло-зелеными стеблями и листьями и наклоненного вправо военного флага *кокудзю-ки* с расходящимися лучами. Полосатое древко флага украшено круглым навершием. Правый конец перекладины якоря загнут вниз; на обоих концах перекладины имеются округлые утолщения. На якорном кольце изображен сидящий золотой сокол, с изогнутой вниз шеей и распростертыми крыльями. Между левым крылом сокола и левой лапой якоря изображена стилизованная печать в виде вертикальной надписи из двух иероглифов в прямоугольном контуре. Справа от якоря и флага расположена черная каллиграфическая надпись с текстом патриотического стихотворения либо лозунга. Справа от круглого навершия флага, по диагонали справа налево расположена надпись из двух иероглифов; справа от каллиграфической надписи расположена вертикальная надпись из трех иероглифов; под каллиграфией – надпись из двух иероглифов. Подписи: «Военный Флот», «Машинная Часть. На память. Оотаки». Предположительно 1905–1924 гг. (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Редкая пиала *сакадзуки* для питья *сакэ* из белого металла (рис. 1, 8), принадлежала выпускнику одной из военных академий Императорской Японии. Предположительно 1907–1929 гг. Композиция в оформлении пиалы выполнена штампом: изображение перекрещенных флагов – военного *кокудзю-ки* и флага Японии *ниссё-ки* – на древках с круглыми навершиями. На перекрестии флагов расположен завязанный бантом шнур с кистями на концах. Над ним, между полотнищами и навершиями флагов расположена каллиграфическая надпись с текстом популярного патриотического стихотворения – девиза: «Твое тело легче пера, а долг тяжелее горы. Выполни свой долг и ты сможешь вернуться домой и наслаждаться соцветиями». Над каллиграфией выштампована десятиконечная звезда военных академий с двумя иероглифами по бокам. Под флагами расположена надпись из четырех иероглифов. Подпись: «В память окончания Академии» (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Деревянная пиала *сакадзуки*, покрытая красным лаком, принадлежавшая военному моряку Такаси, служившему на знаменитом броненосце Микаса. Оформление пиалы выполнено в традиционной лаковой технике *уруси*. Тонкая кайма по бортику пиалы, детали композиции, контуры и надписи выполнены золотой краской. Композиция: необычное изображение скрещенных флагов – военного флага *кокудзю-ки* с расходящимися лучами и флага с изображением раскрытого веера, стилизованного под флаг Японии *ниссё-ки* с красным кругом в центре. На перекрестии золотых древков с круглыми навершиями изображен завязанный бантом шнур с кистями. Над флагами, между круглых наверший изображено соцветие японской павлонии (*госити-но-кири* «5–7–5»). По обеим сторонам от флагов расположены вертикальные надписи из двух иероглифов каждая. Под флагами расположена надпись из десяти иероглифов в два ряда. В нижней части пиалы, вдоль бортика, расположена надпись из шести иероглифов. Подпись: «Военный Корабль Микаса. Преданность – Вежливость – Храбрость – Искренность – Чистота. От всех Членов. Ядомэ». Подпись на обороте: «В ознаменование увольнения со служб. Наш брат Такаси». Сохранилась оригинальная коробка из светлой магнолии с упаковочной тканью. 1905–1907 гг. (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Излюбленным сюжетом для фронтовых фотографов и многочисленных любителей фотографии был часовой в каске, держащий винтовку с примкнутым штыком (рис. 2, 3). На данной фотографии виден силуэт часового в шинели и каске на фоне дерева и восходящего солнца. Часовой держит винтовку *арисака* с примкнутым штыком, прижав ее к корпусу локтем. (коллекция А. О. Пронина, Новосибирск, Россия).

Подобные приведенному нами изображения широко использовались в оформлении памятных предметов (рис. 2, 1, 2). Интересно, что этот образ японского солдата благополучно дожил до наших дней – в современной КНР снимается большое количество патриотических кинофильмов и сериалов, посвященных сопротивлению китайского народа японской агрессии.

сии. Примкнутый к винтовке штык, флаг *ниссё*:-ки с красным кругом в центре и меч в руке офицера стали обязательными деталями практически любого кадра с японскими военными. На рис. 2 представлены примеры памятных предметов военнослужащих Императорской Армии Японии 1932–1945 гг., с территории современных КНР и КНДР, с подобным оформлением.

Белая чаша *тёко* для питья *саке* (рис. 2, 1). Широкая кайма по бортику чаши и надписи выполнены золотой краской. Композиция: изображение солдата на фоне проволочных заграждений. Солдат держит наперевес винтовку с примкнутым штыком и прикрепленным к ее ложе флагом Японии *ниссё*:-ки с красным кругом в центре. Солдат одет в обмундирование Тип 90 (обр. 1930 г.), с обозначенными петлицами на воротнике и контрпогонами на плечах, стальной шлем, ботинки с обмотками. На поясе солдата изображены подсумок, ножны штыка и матерчатая сумка. Слева от лица солдата, над штыком и стволом винтовки, расположена вертикальная надпись из семи иероглифов в три столбца, выполненная черной краской, с текстом популярного патриотического лозунга. Над композицией – надпись из четырех иероглифов. Подпись: «С этим штыком мы несем мир океанам. В память победного возвращения» (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Светло-зеленая чаша *тёко* для питья *саке* (рис. 2, 2) принадлежала служившему на территории Кореи солдату одной из пехотных частей императорской Армии Японии. Широкая кайма по бортику чаши и некоторые надписи выполнены золотой краской. Композиция: изображение стоящего на земле солдата в шинели Тип 90 (образца 1930 г.), стальном шлеме



Рис. 2. (Фото) Памятные предметы военнослужащих императорской армии Японии 1932–1945 гг. с территории современных КНР и КНДР: 1 – чаша *тёко* с изображением солдата на фоне проволочных заграждений (фарфор, глазурь, краска); 2 – светло-зеленая чаша *тёко* служившего на территории Кореи пехотинца 78-го полка императорской армии Японии (фарфор, глазурь, краска); 3 – популярный сюжет «военной» фотографии Японии – силуэт часового в шинели и каске на фоне дерева и восходящего солнца. Часовой держит винтовку *арисака* с примкнутым штыком, прижав ее к корпусу локтем. Китай, территория провинции Шаньдун, 1937–1945 гг.

и ботинках с обмотками. Солдат держит наперевес винтовку с примкнутым штыком. Слева от его лица, над стволом винтовки и примкнутым к ней штыком расположена каллиграфическая надпись с текстом патриотического лозунга. Это каллиграфический вариант распространенного на подобных чашах лозунга «С этим штыком мы несем мир океанам». Над каллиграфией и головой солдата расположена надпись из четырех иероглифов, под композицией – из девяти. Подпись: «Ёнгсан. Пехота. 78-й полк. В память увольнения со службы» (коллекция Р. Каталано, Токио, Япония).

Устав Сэндзинкун предписывал военнослужащим выполнять приказы и быть доблестными. Составляющей истинной доблести по этому уставу было уважение «низшего врага» и почитание «высшего врага». Солдат должен быть верным и послушным. Верность солдата в постоянной готовности защитить свой мир, а послушание – в беспрекословном исполнении обязанностей. Солдат должен, избегая роскоши, вычурности и изнеженного поведения, вести простую жизнь. Его долг – сражаться и при необходимости умереть за императора. Отчаянный фанатизм, заставлявший японских солдат сражаться до последнего и покончить с собой в безвыходной ситуации, прививался всей системой японского воспитания и оттачивался до совершенной готовности в период интенсивного трехмесячного обучения новобранцев.

Четвертого января 1882 г. (15-й год периода Мэйдзи) был издан «Императорский рескрипт солдату и матросу», подтвердивший пять основ – преданность императору, дисциплину, отвагу, умеренность и честь, выделив традиционное чувство воинственности и готовность к подвигам и свершениям во имя императора [Тагая, 2005. С. 23–25]. В первом абзаце текста рескрипта был приведен описанный выше лозунг «долг тяжел как гора...» (см. рис. 1, 8).

Сложившееся к 1930-м гг. образование основывалось на доведенных до крайности догматах *бусидо*. На его основе создана система воспитания солдат. Идеология самураев, по сравнению со средневековыми реалиями, была представлена в романтизированном виде. Основная масса толкований *бусидо*: появилась в эпоху Мэйдзи (1868–1912). В средневековой же реальности самураи не считали капитуляцию и даже переход на сторону врага вопиющим преступлением [Курэ, 2007. С. 129]. Кодекс *бусидо*: стал философской базой милитаристской идеологии и подхода к строительству вооруженных сил. Порождение современности, *бусидо*: основан на идеях и писаниях поздних периодов самурайской эпохи, доказывавших необходимость воинского сословия для поддержания мира в обществе [Тагая, 2005. С. 23–25], имея мало общего с реалиями жизни и поведения самураев, живших в столетия нескончаемой гражданской войны. Мифическая картина самурайских добродетелей выделяла верность повелителю и стремление к самопожертвованию. В ВС Японии тема смерти в бою во имя императора рассматривалась как высшая доблесть и постоянно звучала в повседневной жизни японских военнослужащих.

Распространенным знаком военной символики было изображение цветка сакуры, символа короткой, но прекрасной жизни воина (рис. 1, 5). В ряде художественных композиций изображались опавшие лепестки цветка сакуры – символ павших в бою воинов.

Главная в воинской идеологии тема готовности к гибели в бою подчеркивала неприятие возможности пленения врагом. В 1941 г. в устав Сэндзинкун был внесен запрет на сдачу в плен, отражением чего стали *дзибаку* (акты самоуничтожения) экипажей самолетов, подбитых над территорией противника, и частый отказ летчиков брать в боевые вылеты парашюты [Там же. С. 24].

Несмотря на жесткие идеологические рамки, военнослужащие оставались личностями, жившими полной жизнью. Японский воин, особенно прошедший подготовку в предвоенные и первые годы Второй мировой войны, был умелым специалистом в своем деле, готовым проявить инициативу. Несгибаемость веры в культивировавшиеся идеалы и готовность к самопожертвованию давали ему дополнительную силу и стойкость. Солдаты, матросы и офицеры с детства знали, что Япония не проиграла ни одной войны, были убеждены в ее божественном покровительстве и сверхъестественной силе императорских вооруженных сил. Абсолютная убежденность в окончательной победе помогала вести наступательные

действия, даже когда противник обладал превосходством в материальных ресурсах и численности.

Жесткая дисциплина воинской службы в сочетании с традиционными ценностями коллективизма формировала товарищеские отношения внутри воинских коллективов, способствуя их боевому слаживанию, одновременно порождая соперничество между отдельными воинскими подразделениями. Гордость солдат и офицеров за свой взвод (роту, батальон и полк) повышала эффективность их действий. Не случайно оформление большинства наградных и памятных предметов, связанных с ВС императорской Японии 1868–1945 гг., содержит имена владельцев и наименования частей, где они служили (рис. 1, 2).

Для японского общества характерно формирование сильных связей внутри определенной группы. С одной стороны, это способствовало решению проблем и задач, стоящих перед группой. С другой – крайности этой тенденции приводили к замкнутости и утрате взаимодействия с другими группами и людьми. Следствиями этого были соперничество Армии и ВМФ, отсутствие кооперации между армейской и флотской авиацией. Их командование придерживалось разных геополитических взглядов на потребности Японии, цели, стратегию и строительство вооруженных сил [Переслегин, 2006. С. 70]. В меньших масштабах эта тенденция проявилась в конфликтах между курсантами и инструкторами разных программ подготовки летчиков ВМФ [Тагая, 2005. С. 25, 26].

Воинские звания и традиционное стремление японцев устанавливать иерархические взаимоотношения внутри любой организации, на которых строился распорядок военной службы, определяли характер взаимоотношений внутри подразделений и вооруженных сил в целом. Личностные взаимоотношения внутри воинских коллективов формировались по принципу «Цветы сакуры одного года»: невзгоды военной службы, особенно первого года, разделяли все солдаты одного призыва. Тяготы, жесткие ограничения и требования скрепляли возникшее чувство товарищества. Вдобавок обучение личного состава строилось на участии старших призывов в воспитании молодых солдат и курсантов. Новички подвергались постоянным придирам и наказаниям со стороны военнослужащих старших призывов, что считалось частью обучения, направленного на превращение гражданских юношей в воинов императорских вооруженных сил, спланивало солдат одного призыва и устанавливало иерархию среди рядового состава в соответствии с опытом военной службы.

Такой подход к воспитанию и обучению солдат был закреплен системой воинских званий. В императорской армии существовало четыре звания для солдат: *нитто-хэй* (рядовой 2-го класса), *итто-хэй* (рядовой 1-го класса), *дзэ:то-хэй кимму ся* (старший рядовой, призванный из запаса) и *дзэ:то-хэй* (старший рядовой). В ВМФ существовало четыре звания для матросов: *ёнто-хэй* (матрос 4-го класса), *санто-хэй* (матрос 3-го класса), *нитто-хэй* (матрос 2-го класса) и *итто-хэй* (матрос 1-го класса). Первого ноября 1942 г. (Сёва 17) флотские звания были унифицированы с армейскими. Юноши, призванные на военную службу, получали низшее воинское звание, *нитто-хэй* (солдат 2-го класса), либо *ёнто-хэй* (матрос 4-го класса; с 1942 г. – *нитто-хэй* – матрос 2-го класса).

На групповых фотографиях армейских и флотских подразделений эта иерархия видна отчетливо (рис. 3). Командующие ими офицеры располагались в первом ряду в центре, в окружении унтер-офицеров. Оставшиеся места в первых рядах занимали старослужащие, имевшие звания *дзэ:то-хэй*, *дзэ:то-хэй кимму ся* и *итто-хэй*. Молодые солдаты и матросы вставали в последних рядах, реже по бокам.

В качестве примера рассмотрим «парадный» снимок одного из подразделений (взводов) 60-го пехотного полка, сделанный по случаю торжественного события (вероятно, увольнения солдат в запас) между 1930 и 1938 г. (см. рис. 3).

Солдаты и офицеры одеты в униформу Тип 90 (образца 1930 г.) с петлицами «ласточкин хвост» с металлическими латунными номерами полка и наплечными контрпогонами с обозначениями воинских званий. Головные уборы – фуражки с тульей защитного цвета, красным околышем и армейской пятиконечной латунной звездой. Слева направо: первый ряд: капрал *готё:*; сержант *гунсо:*; сержант *гунсо:* с нарукавной повязкой дежурного по подразделению; старшина *юн-и* (совр. *со:тё:*) (награжден орденом Священного Сокровища VIII либо VII класса, памятной медалью в честь коронации Тайсё, военной медалью, предположительно, за русско-японскую войну либо за Инцидент 1931–1934 гг. и медалью японского общества красного креста стандартного класса; старшина держит в руках меч *кю-гунто* [*kyu-gunto*] Тип 19 (модификация меча Тип 8 от 6 июля 1886 г., 19-й год периода Мэйдзи; с темляком



Рис. 3. (Фото) Групповое фото одного из подразделений 60-го пехотного полка императорской армии Японии, Китай, между 1930 и 1938 гг. (коллекция А. О. Пронина, Новосибирск, Россия)

золотого цвета на рукояти и в хромированных ножнах [Dawson, 2007. P. 66–67]); капитан *тай-и* (награжден орденом Священного Сокровища V класса, четырьмя военными и памятными медалями, в руках держит меч *кю-гунто* Тип 19); старший сержант *со-шо* (старший сержант – кандидат на офицерский чин – на это указывают пятиконечная звезда в красном круге на правой петлице и меч *кю-гунто* Тип 8 (введенный 24 ноября 1875 г., 8-й год периода Мэйдзи; с темляком золотого цвета на рукояти и в хромированных ножнах [Ibid. P. 57, 60–61]) с золотым темляком в хромированных ножнах с двумя обоймицами); старший сержант *со-шо* (награжден нагрудным знаком за отличную стрельбу); капрал *гомё*.

Второй ряд: третий слева рядовой 1-го класса *итто-хэй*; пятый слева рядовой 1-го класса *итто-хэй*; шестой, седьмой и восьмой солдаты слева имеют звания *дзё:то-хэй* (старший рядовой).

Третий ряд: семеро рядовых 1-го и 2-го класса. Солдаты, стоящие в четвертом и пятом рядах, имеют звания *нитто-хэй*. Шестой слева в пятом ряду солдат имеет звание *дзё:то-хэй кимму ся*. На это указывают угловой шеврон на правом предплечье и две желтые звездочки на контрпогонах.

Деление рядового состава по годам призыва отвечало традициям ранжирования отношений в обществе, где каждый мог быть господином над низшим, будучи слугой стоящего выше. Солдаты одного призыва отделялись от предыдущего и последующего призывов. По отношению к первому они выступали в подчиненной роли, а ко второму – в роли наставников и воспитателей. В современном японском обществе сохраняется важная роль ощущения принадлежности к своему школьному классу, курсу университета или иерархической группе в фирме [Тагая, 2005. С. 12, 13, 26, 27].

В 1943 г. наступил перелом в ходе войны, Япония потеряла возможность продолжать наступление. Но верховное командование, плоть от плоти нации со столетиями победных традиций, мифов и воспитания, веровало в свою непобедимость. Пропаганда врожденного превосходства и строительство военной доктрины вокруг понятия «атака» привели к плачевным последствиям [Хорикоши, Окумия, Кайдин, 1999. С. 16–19, 23]. Технологическое отставание вело к напрасным потерям опытных офицеров и солдат. Конечно, среди верховного командования Японии были те, кто видел такую опасность, например главнокомандующий Объединенным Флотом адмирал Исороку Ямамото, протестовавший против вступления Японии в войну [Prados, 2001; Agawa, 1982].

По мнению ряда западных исследователей, особенности подготовки военнослужащих, традиционный менталитет, милитаристские идеалы и культивирование понятия «атака» в военном и идеологическом плане в сочетании с пропагандой превосходства сделали японские части не готовыми к гибким действиям в условиях утраты преимущества на поле боя. Отмеченные противниками высокие моральные качества и воинский дух приводили японских солдат и офицеров к самоубийственным контратакам, ошибкам и шаблонным действиям. В штатной ситуации японцы действовали хорошо, проявляя изобретательность. При столкновении с неожиданностью слепое следование понятиям чести мешало им гибко реагировать на изменения обстановки [Хорикоши, Окумия, Кайдин, 1999. С. 17].

К этому восприятию японских воинов их американскими противниками следует подходить с осторожностью. Описанные выше явления имели место. Но подобные действия и качества советских солдат (стойкость в бою, «самоубийственные» контратаки) считаются проявлениями героизма и преданности своей родине. Японское отношение к войне и восприятие воинской доблести сходно с мировоззрением своих континентальных противников – СССР и Китая.

Примером служит подвиг второго лейтенанта Хиро Онода, выполнявшего приказ и воевавшего на о. Лубан (Филиппины) до 1974 г. [Onoda, 1999]. В истории Великой Отечественной войны и в борьбе китайского народа против японской агрессии известны примеры партизанской борьбы, сопротивления окруженных частей и отдельных военнослужащих в безвыходных ситуациях.

Японская система воспитания солдата была чрезвычайно эффективной, позволила создать военные части, отличавшиеся высокими моральными качествами и дисциплиной. Японский солдат по праву заслужил уважение своих противников. Вместе с тем национальная эйфория и пропаганда врожденного превосходства, пронизавшие все сферы жизни общества, повлияли на национальную элиту и верховное командование. Ценности милитаристской культуры были столь значимы, что и общество, и структуры государственной власти в целом стремились к искаженному восприятию действительности, отвечавшему привычной для них картине. На заключительном этапе войны союзники, изучив возможности императорских ВС и создав приемлемую модель идеологии и мотивации действий японских военнослужащих, могли прогнозировать действия японского военного командования и добиваться желаемых результатов. Итогом стали капитуляция и ликвидация национальной милитаристской культуры в рамках масштабной кампании по демилитаризации и демонтажу существовавших систем идеологии, воспитания и пропаганды.

Список литературы

Догерти Л. Дж. Японская пехота 1941–1945. Подготовка, тактика, вооружение. М.: АСТ; Астрель. 2005. 94 с.

Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига, 2007. 384 с.

Колоницкий И. Б. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. 349 с.

Курэ Мицуо. Самураи. Иллюстрированная история. М.: АСТ; Астрель. 2007. 191 с.

Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2006. 624 с.

Пронин А. О., Москвитин И. А. Особенности идеологического воспитания в Вооруженных Силах Императорской Японии 1868–1945 гг. // Уроки истории. Великая Отечественная война, история России и мира 20–21 веков: Сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 234–241.

Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо, 2008. 312 с.

Тагая О. Японская императорская военно-морская авиация 1937–1945. М.: АСТ; Астрель, 2005. 71 с.

Хорикоши Д., Окумия М., Кайдин М. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне. М.: АСТ, 1999. 464 с.

Agawa Hiroyuki. The Reluctant Admiral. N. Y.: Kodansha, 1982. 437 p.

Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Sage Publications Inc. 1989. 392 p.

Dawson J. Swords of Imperial Japan 1868–1945. Cyclopeda Edition. Newman, Stenger-Scott Publishing, 2007. 448 p.

Onoda Hiroo. No Surrender: My Thirty-Year War / Bluejackets books. US Naval Institute Press, 1999. 219 p.

Prados J. Combined Fleet Decoded: The Secret History of American Intelligence and the Japanese Navy in World War II. US Naval Institute Press, 2001. 832 p.

Материал поступил в редколлегию 05.01.2011

Aleksey O. Pronin, Igor A. Moskvitin

**ADDITIONS TO THE PROBLEM OF PECULIARITIES OF THE IDEOLOGICAL EDUCATION
IN MILITARY FORCES OF IMPERIAL JAPAN 1868–1945**

Those, who struggle against Japanese military forces during WWII battles, remember Japanese soldiers as strong, cruel and brave warriors. Allies's actions against them took maximum of bravery, mental strength and military skills from Russian, Chinese, US and European soldiers. Even being surrounded, being in their final position, Japanese soldiers and officers kept fighting until the end against powerful enemy. Such qualities are based on the unique system of ideological education created and improved in IJA and IJN forces during 1868–1945. That ideological system based on the «militaristic culture» cultivated and dominated in imperial Japan. That was a mix of romanticized samurai traditions, latest ideological constructions and innovations in technic and management, have been taken from western countries. The research of system of ideological education of Imperial Japanese militaries, developed between 1868 and 1945, helps us improve our understanding of peculiarities of the society of Imperial Japan, and especially, motivation of it's soldiers's, officers's, civilian's and military and political elite's actions. Our publication provides brief analysis of the main characteristics of ideological education in IJ Forces and the processes of it's development.

Keywords: Imperial Japan, Imperial Military Forces, World War II, ideology, militaristic culture, Meiji, Showa period.